

УДК 398.3
ББК 63.52

Действующие вещи в нарративах о Рыбницком ребе

Ирина Сергеевна Душакова

(Институт международного права и экономики
им. А.С. Грибоедова, Москва, Россия)

ORCID ID: 0000-0002-7959-4934

Аспирант

Институт международного права и экономики

им. А.С. Грибоедова (ИМПЭ им. А.С. Грибоедова)

Факультет журналистики, кафедра теории и практики
периодической печати

Россия, 111024, Москва, шоссе Энтузиастов, д. 21

Тел.: +7 (495) 673-74-19

E-mail: dusha-irina@mail.ru

DOI: 10.31168/2658-3356.2019.13

Аннотация: В данной статье проанализированы материальные объекты, которые встречаются в нарративах о Хаиме Занвле Абрамовиче, Рыбницком ребе, и о его деяниях. Основной исследовательский вопрос, который поставлен в данной статье, заключается в том, как религия осуществляется материально, а не только выражается через вещи. Для ответа на этот вопрос автор рассматривает религиозные атрибуты и предметы (религиозной) одежды Рыбницкого ребе и останавливается на двух кейсах, в которых одну из ключевых ролей играют материальные предметы. Первый кейс посвящен роли кружки для омовения кистей рук в ритуале утреннего омовения, второй – сломанному автомобилю, который завелся под влиянием слов Хаима Занвля. Таким образом, исследование демонстрирует, что соблюдение ритуала ежедневного омовения или способность творить чудеса может передаваться при помощи включения в нарратив некоторых материальных предметов (кружка или машина). Однако наиболее стабильными и варьируемыми только в пределах контекстуальной синонимии являются предме-

Исследование было проведено в рамках грантовой программы Исследовательского центра Частного учреждения культуры «Еврейский музей и Центр толерантности» (Москва) при финансовой поддержке А.И. Клячина.

ты одежды Хаима Занвля, что, возможно, связано со способностью одежды подчеркивать социальные роли наиболее явным и не требующим дополнительных пояснений способом.

Ключевые слова: *Рыбницкий ребе, материальные предметы, устный нарратив, чудо, одежда, религиозные атрибуты*

Материальность религии – к постановке вопроса

Конец 70-х – начало 80-х гг. XX в. в социальной теории ознаменованы появлением акторно-сетевой теории, которую традиционно связывают с именами Б. Латура, М. Каллона, Дж. Ло, А. Мол. Обзор всех основных положений этого направления кажется нерелевантным для данной статьи, отметим лишь, что познакомиться с анализом развития акторно-сетевой теории, переводами ключевых работ и примерами прикладных исследований можно в сборнике «Социология вещей» (2006), в журналах «Логос» (2017. № 1, 2, 3) и «Социология власти» (2015. № 1; 2019. № 2).

В рамках этого подхода была заявлена новая исследовательская программа, с которой, в том числе, связан интересующий нас «поворот к материальному». Этот поворот обозначил новую перспективу в отношении материальных предметов: «в духе хайдеггеровского императива “Относиться к вещи как к вещи” – это требование нередукционистской проблематизации вещности социального мира» [Вахштайн 2006, 8]. Иными словами, исследователи, работающие в рамках акторно-сетевого анализа, на равных уделяют внимание в своих исследованиях не только людям, но и вещам, рассматривая и тех и другие как акторов, «равных в своей способности действовать и вступать во взаимодействия, в которых и определяется, что они есть и чем они будут» [Писарев, Астахов, Гавриленко 2017, 7]. И если ранее социальное объяснялось как взаимодействие между людьми, то через призму акторно-сетевого подхода «социальное было переопределено как тип связи между разнородными сущностями, действие стало рассматриваться как распределенное в сети отношений, а материальные объекты получили статус субъектов действия» [Ерофеева 2019, 10].

В области исследования религии этот поворот, также разрабатываемый с 1980-х и чуть более активно с 1990-х гг. [Meuger et al. 2010, 207], приводит к новой постановке вопроса в отношении вещей. Так, по утверждению Биргит Майер и соавторов, вещи – это неотделимый (inextricable) элемент религии, он не добавляет что-то к религии, он в нее неотделимо вплетен, в целом же материальное исследование религии означает проведение исследования с учетом тех идей, которые даст изучение тела, вещей, мест и практик [Ibid., 209].

Новый вопрос, который стоит задавать исследователю, заключается в том, «как религия осуществляется материально, а не выражается в материальной форме» [Ibid., 209]. Такая постановка вопроса позволяет нам отойти от представлений о вещи как о социальном конструкте и порождении социальных отношений, с которым и боролись Б. Латур, К. Кнорр-Цетина – одни из первых авторов, писавшие в русле материального поворота [Вахштайн 2006, 9].

Принимая во внимание вышесказанное, я хотела бы обратиться к изучению материальности религии на материалах интервью о Рыбницком ребе – Хаиме Занвле Абрамовиче, записанных в экспедиции Центра «Сэфер» в Рыбнице в 2018 г.

Я последую за исследовательским вопросом, предлагаемым Б. Майер, процитированным мной выше. Процедура выявления (действующих) вещей, значимых для материальности религии, будет проводиться так, как описал это Б. Латур в своей работе «Где недостающая масса? Социология одной двери»: «примем в качестве более общего дескриптивного правила следующее: всякий раз, когда вы захотите знать, какую работу совершает нечеловек, просто представьте себе, что бы пришлось делать другим людям или другим нечеловекам, если бы этот персонаж отсутствовал. Такая воображаемая субституция точно определяет роль или функцию этой маленькой фигуры» [Латур 2004, <https://magazines.gorky.media/nz/2004/2/gde-nedostayushhaya-massa.html>].

В данной статье я рассмотрю материальные объекты, встречающиеся в нарративах о Рыбницком ребе и о совершаемых им «чудесах». В заключение я выскажу свои предположения о том, какие из этих объектов действуют.

Вещи, встречающиеся в нарративах о Рыбницком ребе¹

В ходе экспедиции Центра «Сэфер» в Рыбницу в 2018 г. было собрано 59 интервью, в большинстве из которых информанты не только упоминают Хаима Занвля Абрамовича, но и рассказывают о сюжетах, с ним связанных.

В нарративах, записанных от информантов, фигурирует ряд предметов; с некоторой долей условности для удобства дальнейшей работы их можно разбить на следующие группы:

- 1) религиозная утварь и вещи, используемые в религиозных целях;
- 2) вещи, связанные с телом (одежда и другие предметные характеристики внешнего вида);
- 3) вещи, через действия которых осуществляются особенные способности ребе (сотворение чудес).

При этом надо отметить, что далеко не все рассматриваемые вещи являются действующими. На действии вещей я буду останавливаться чуть подробнее.

Религиозная утварь и вещи, используемые в религиозных целях

Говоря о религиозной утвари, упоминания о которой кажутся логичными в нарративах о раввине, нельзя не отметить, что исследование касается советского периода. Как отмечает М. Каспина, «отношение к религии претерпело в СССР очень серьезные изменения, наряду с соблюдением нескольких ключевых элементов традиции, таких как сохранение поста на Йом Кипур, память о годовщине смерти родственников (*йорцайт*) или стремление приобрести мацу на Песах <...> религиозные традиции в целом или ушли из общественной сферы в потайную, домашнюю среду <...> или видоизменились, приспособившись к новым условиям» [Каспина 2018, 209]; кроме того, «возникают новые видоизмененные фольклорные практики, которые можно назвать “изобретением традиций” (в терминологию

¹ Автор выражает благодарность Марии Каспиной и Светлане Амосовой за консультации и ценные советы при подготовке статьи.

гии Эрика Хобсбаума» [Там же, 210]. Потому религиозная утварь, встречающаяся в нарративах, может быть предметом отдельного исследования. Моя же задача сейчас – рассмотреть круг этих вещей.

Итак, о каких религиозных вещах вспоминают информанты в интервью?

Рассказывают, что у ребе дома была *xupe* (*xupa*), которая представляла из себя «четыре тряпки и палку» (ББЛ, 1940 г.р., г. Рыбница, перевод с идиша²).

Называют *шофар*: говоря о соблюдении родителями Йом Кипура, информант сообщает о том, что они всей семьей не ели весь день, «только молились» у Хаима Занвля, но когда появлялась первая звезда, «он в эту трубу (то есть шофар. – И.Д.) трубит, и тогда можно идти кушать» (РЛК, 1936 г.р., г. Рыбница).

Несколько информантов говорят о наличии книг: «У него были книги. Талмуд или что-то. Очень начитанный был» (РЛК, 1936 г.р., г. Рыбница); или: «Была у него не одна Тора, много было Тор. И все остальное, и *тфилн* у него было» (ТЛ, 1952 г.р., г. Рыбница).

Интересно, что некоторые информанты, получившие доступ в его жилое пространство, говорят о том, что «синагога была прямо у него дома. Значит, в этой синагоге стояла тумба, *толес*, то есть на чем он одевал и молился» (ШМИ, 1940 г.р., Одесская обл., мест. Крутые). Сюда же, наверное, стоит добавить и свидетельства о «лампадка», которые позже один из информантов увидел в синагоге: «вот эти лампочки я уже потом увидел, когда в Кишиневе был в синагоге, там, насколько я понял, каждому дню соответствует вот эта лампадка» (ГЯМ, 1958 г.р., Туркменистан).

Интересно также, что часть предметов носит неопределенный статус и отношение их к осуществлению ритуальных действий установить сложно. Так, например, один из информантов отмечает, что у Хаима Занвля «была стопка серебряная, рюмочка тоже серебряная была, в которую он наливал и угощал. С одной он пил никому не давал, а с той всех угощал» (ТЛ, 1952 г.р., г. Рыбница). Каким бы ни было фактическое использование этой рюмки, была ли это посуда, которую он кошеровал специально к Песаху или нет, важным в контексте данного исследования оказывается то, что оба предмета –

² Здесь и далее по тексту приводятся выдержки из интервью, находящихся в архиве Центра «Сэфер».

стопка и серебряная рюмка – вместе действуют в том смысле, в котором это определяют сторонники акторно-сетевой теории: они проводят границу между повседневным и ритуальным. Следуя рекомендации Б. Латур, мы можем представить, что Хаим Занвл был вынужден совершать какие-либо иные действия по проведению границ, если бы он не пользовался двумя отдельными сосудами.

Даже если приведенный здесь перечень вещей и не является исчерпывающим, их роль в целом вполне понятна: они необходимы для совершения религиозных ритуалов и соответствия статусу раввина, то есть они являются материальным условием осуществления его религиозной функции.

При этом важно отметить, что упоминания религиозных атрибутов встречаются в нарративах реже, чем описания одежды Рыбницкого ребе, а некоторые из них – как, например, специальные приспособления резника для спуска крови, – оказываются оспариваемы: не все информанты подтверждают то, что Хаим Занвл выполнял роль резника в Рыбнице во время своего пребывания там. Обладание вещью в данном смысле оказывается синонимичным обладанию статусом, соответствующим использованию этой вещи. Споры вокруг данных приспособлений подтверждают наш вывод о том, что упоминаемые вещи оказываются теми действующими объектами, которые вместе с самим раввином выстраивают осуществление им определенной, значимой для общины роли.

Кружка для завершения ритуала омовения

В рамках рассматриваемой группы предметов отдельно хотелось бы остановиться на упоминаниях особой кружки, используемой раввином для завершения практики ритуального омовения. Эта вещь неоднократно упоминается в нарративах информантов.

Приведу один из наиболее развернутых отрывков интервью об этом:

Это был уже 1968–1969 год. И он нанимал человека, вырубали прорубь. И он купался зимой в проруби. Омовение делал, у него была серебряная кружка с ручкой. Он мог раздеться, омыться там в проруби, одеться быстренько и идти. И там буквально недалеко было, метров 400–500. Но у нас же люди как люди. Они не могут... Как вам объяс-

нить...Чтоб что-то сделать. Если женщина переходила дорогу, он должен был вернуться. Опять помыться, для того чтобы совершить... Тору читать. Бывало, что он возвращался. Бывало, что, если был сильный мороз, он набирал серебряную кружку воды, такая длинная была. Мог себе налить... [Соб.: И что он с этой кружкой?] Он наливал себе в пазуху. [Соб.: Для чего?] Чтобы второй раз не идти совершать омовение в проруби. Наливал себе в штаны воду, таким образом он приходил домой. У него было за три или четыре пары обуви. В основном, это были сапоги хромовые. Тогда носили такие сапоги... Он придет, мокрый. Холодно, зима. Он раздевался (ТЛ, 1952 г.р., г. Рыбница).

Этот вариант нарратива, в отличие от многих других, более кратких, сразу дает нам представление о функции этой кружки: «чтобы второй раз не идти совершать омовение в проруби», и тем не менее соблюсти правила сохранения чистоты.

Подобный же нарратив, в чуть более сокращенном варианте, однако включающий все структурные части сюжета, был записан не единожды:

Значит, у него обычай такой, если проходил мальчик ему через дорогу, он обязательно возвращался и снова купался. Купался он, а потом у него была кружка с двумя ручками. Он брал с собой кружку воды и за одну ручку вылил на себя воду, если прошел один мальчик, за одну ручку вылил на себя кружку воды. Кружка литровая такая была. [Соб.: То есть он обязательно возвращался, а мог просто из кружки?] Да, да, это чтоб [не возвращаться]. А если снова перешли, если кончилась вода, он обязательно вернется и обязательно начнет купаться (ШМИ, 1940 г.р., г. Рыбница).

Этот вариант оказывается ценен тем, что интересующий нас действующий предмет, замещающий, по сути, повторное омовение, мог не до конца выполнять свою функцию в случае, если вода в нем заканчивалась.

При этом описание, приводимое информантом во втором примере, вполне однозначно отсылает нас к предмету – литровой кружке, традиционно используемой в ритуале омовения кистей рук, *нетилат ядаим*, поскольку указывается, что у нее было две ручки.

Интересно, что в части нарративов кружка может оказываться недействующим предметом, хотя и сохранять частично свои функ-

ции – служить для набора воды из реки, в которой Хаим Занвл совершал омовения, но не использоваться для повторного очищения:

Он, когда был молодой, он ходил купаться в прорубь зимой. И когда он приходил купаться, и русские дети, и брал, кружка у него была медная такая. [Соб. 1: Большая кружка?] Он набирал эту воду, русские дети переходили ему дорогу, и он обратно возвращался купаться и обратно. И так по несколько раз. [Соб. 2: Вы не знаете, зачем он ходил купаться в прорубь?] Я не знаю. [Соб. 1: Кружка зачем ему нужна была?] Чтобы набрать воду, он там покупался, набирал воду и домой нес. Они переходили ему дорогу, он опять бедный, как дети, знаете? (АЛЛ, 1941 г.р., с. Воронково).

При этом важно подчеркнуть, что вещь в данном случае вариативно встраивается или не встраивается в сюжет двумя очень устойчивыми элементами: совершением регулярного омовения (в статье «Рыбницкий чудотворец» это обозначают как «а миквэ» [см. Метляева 2006, 11])³ и повторного омовения при какой-либо оскверняющей встрече по дороге домой от реки. На мой взгляд, именно устойчивость мотива о необходимости повторного очищения позволяет говорить о действии вещи как вещи, выполняющей функцию замены повторного купания. Вариативность персонажей, которых встречал Хаим Занвл по пути домой, не так важна в данном случае, хотя может оказаться ключевой, если рассматривать варианты представлений о ритуальной чистоте.

Вот пример подобного нарратива без упоминания кружки:

Не знаю достоверно, взрослые разговоры при детях не вели. Только то что я слышал где-то, бегал там, прыгал. Его дразнили, особенно когда он мылся. Он купался, а женщины, девушки уже знали. Он только выйдет, он же голый купался, одевает на себя эту рясю, мокрый, одевал, и выбегает на дамбу, только выбегал – они появляются, он только увидит – всё, спускается вниз, снимает и опять идет. Дамба – набережная (ЗИЯ, 1954 г.р., г. Рыбница).

³ Представления о том, как часто он совершал омовения, у информантов разнятся. Так, например, БЯЭ (1950 г.р., с. Вадул-Рашков, зап. в с. Колбасна) считает, что «Есть период, когда надо купаться. Крещение – и у евреев тоже. Видно, на Крещение он купался... Он ходил один на Днестр, в каждый год, в одно и то же время, на Крещение, только в тот день».

Или, как рассказывал СМШ (1941 г.р., г. Рыбница): «Вот он шел, шел и перешла дорогу женщина, вот знаете как кошка черная переходит человек и он возвращался, так и он. Женщина пошла – он возвращался. Ну он был очень, очень красивый, у него такие глаза были – они насквозь пронимали». Эта практика многократного омоения и строгих представлений о сохранении чистоты могла восприниматься по-разному. Например, как утверждает СФЕ (1928 г.р., с. Загнитков, Кадымский р-н Одесской обл.), «про того раввина, который жил в Рыбнице, в Каменке между собой говорили: *хайкл дер мишигенер* – дурной. Как встретит женщину – возвращался».

Как видно, в данном случае практика повторного омоения после оскверняющей встречи не связана с каким-то предметом, однако кружка оказывается вписана в часть нарративов именно как элемент, замещающий часть ритуала.

Вещи, связанные с телом (одежда и другие предметные характеристики внешнего вида)

Отдельная группа вещей связана с внешним видом Хаима Занвля. В отличие от вещей, перечисленных в предыдущей группе, описание внешности и одежды раввина становилось частью нарратива более широкого круга информантов, оно также нашло отражение в письменных источниках. Так, в статье «Рыбницкий чудотворец» газеты «Истоки жизни» [Метляева 2006, 11] еще до начала рассказов о чудесах, творимых Хаимом Занвлом, рассказчик, чьи слова переданы в тексте и с которым в экспедиции в 2018 г. удалось пообщаться, отмечает:

Он был хасидом, одет в традиционную еврейскую одежду, в длинном лапсердаке, в шляпе... Я хочу еще вернуться к его одежде. Почему я так это запомнил. Я был уже довольно взрослым человеком и работал и жил в Кишиневе. Он порой наезжал к нам в Кишинев. Но почему-то это было около 5 часов утра. Он стучался к нам в окно и будил меня. Я всегда спрашивал у отца, почему рэб Хаим Занвл приходит к нам так рано утром, почему он не приходит днем, вечером, просто утром, и отец объяснил, что он ходит в настолько традиционной еврейской одежде и облик его настолько непривычен для публики, что он не хочет привле-

кать к себе лишнего внимания. У него была окладистая борода, пейсы... [Метляева 2006, 11].

Также внешний вид Хаима Занвля был описан и в статье о концлагере Гвоздавка, автором которой является родственница троих наших информантов. Комментируя эту статью, ФЛИ, дочь автора статьи, отмечает:

...Вообще-то тут написано, что он человек был не очень аккуратный. Это правда, ну я вам говорю, что он обсыпался пеплом. Это не то, что современные раввины сейчас одеты с иголочки, всё. Хотя Майя Ильинична мне сказала, что эти капоты и лапсердаки ему шил папа. И даже во время войны доставали из чего и где-то там доставали и папа ему шил. За этой не совсем аккуратностью, небритостью и всем этим проглядывало исключительно красивое лицо, такие лукавые и лучистые глаза и такая улыбка, я Вам не могу передать (ФЛИ, 1946 г.р., г. Рыбница).

Другие информанты отмечали, что он «ходил как “настоящий ребе”, ходил в черной рясе, пейсы были» (ШТШ, 1934 г.р., г. Резина), или отмечали, что «Хаим Занвл всегда ходил и в кипе и в шляпе или кепке. Но кипа всегда внизу была» (ТЛ, 1952 г.р., г. Рыбница). Встраивается в подобный ряд и свидетельство о том, что он «ходил в чем-то черном, в чёрной мантии, с бородой, ребе носил кипу. Еще черный балахон носил» (АЛЛ, 1941 г.р., с. Воронково).

Однако, как и в случае со свидетельствами о роли резника, при всей гомогенности описания от информантов можно услышать и противоположные утверждения. Так, ГЯМ рассказывал, что «в традиционной хасидской одежде его видел только один раз. А дома что мне запомнилось – ну борода, естественно. Кипа – шляпы не было. Темный» (ГЯМ, 1958 г.р., Туркменистан).

Среди головных уборов, которые носил раввин, информанты упоминают кипу, шляпу (как вариант – «хасидскую шляпу»), кепку. Во время одного из интервью кепка, которую он носил, демонстрировалась как ценная вещь, которую «на всякий случай» не выбрасывают.

В целом же самой частотной характеристикой Хаима Занвля стали длинные черные одежды. Даже в тех интервью, где собиратели не получили выстроенного нарратива о нем, информанты отмечали, что носил «традиционную хасидскую одежду» / был «одет в традицион-

ную еврейскую одежду» / «пальто, все черное» / черный сюртук / «черный халат, как у уборщицы».

При этом интересно, что на примере описаний одежды мы можем проследить способы проведения межгрупповых границ. Так, очевидно, что маркировка одежды как хасидской требует со стороны информанта достаточно глубокой включенности в еврейскую культуру, при которой он бы осознавал отличия между разными группами евреев. Подобная характеристика одежды, как представляется, может быть дана либо самим носителем культуры, либо кем-то, кто специально изучал данный вопрос. Если продвигаться по воображаемой линии от большего к меньшему погружению в культуру, мы можем говорить об описании его одежды как в целом «еврейской», что говорит скорее об актуализации границ этнических (или этнорелигиозных) групп. Это уже менее детальные представления о групповых различиях, когда евреи представляются единым целым. В меньшей степени о включенности информанта в проведение межгрупповых границ говорит характеристика одежды Хаима Занвля как черного пальто или халата.

Подобные характеристики проявляют и отчужденность от описываемой фигуры: вещи, внешний вид в целом представлены как странные, непохожие на одежду обычных людей. В этом случае активная роль вещей заключается в подчеркивании инаковости и/или религиозности. Как отмечает Дж. Шнайдер, одежда вообще может «усиливать то, чем мы являемся» и «углублять наши социальные отношения» [Schneider 2006, 203–220]. Так, одежда как вещь, видимая ежедневно, усиливает восприятие раввина как глубоко религиозного и отрешенного человека, она подчеркивает его социальную роль, делая ее постоянно видимой.

В подтверждение этого тезиса можно привести сюжет о взаимодействии Хаима Занвля с окружением, в который вписан этот атрибут одежды. Рассказывая о том, как ее семья была близка с ребе, ФЛИ отмечает:

И он приходил туда, там были еврейские дома, там были евреи, он общался с некоторыми евреями, он приходил туда. Вот однажды я иду с работы на обед, а он идет оттуда, в этой своей длинной капоте. Вот в таком вот виде и за ним бежит целая ватага мальчишек небольшого возраста, таких маленьких и тянут его за рукава, за капоту. Я перешла на

эту сторону, значит, он растерялся, конечно, отогнала этих мальчишек, и он меня узнал, он посмотрел на меня, узнал и он заулыбался с такой благодарностью (ФЛИ, 1946 г.р., г. Рыбница).

Для религиозной девушки «эта длинная капота» работала как маркер глубокой религиозности, которая вызывала уважение и повышала статус, тогда как для «ватаги мальчишек небольшого возраста» этот же элемент одежды действовал прямо противоположным образом: выдавал в носившем ее странного, чужого, другого.

**Вещи, через действия которых осуществляются
особенные способности ребе (сотворение чудес) –
«чудо с машиной»**

Если представить себе некоторую шкалу, на которой от наиболее повседневного мы двигались бы к наиболее ритуализованному, то автомобиль оказался бы в той точке континуума, которая отвечает за повседневность. При этом автомобиль оказывается агентом в одной из нескольких историй, рассказываемых о «чудесах», которые были сотворены раввином Хаймом Занвлом. В данной статье я остановлюсь только на описании этого конкретного случая, не проводя анализ связанных с ним других сюжетов, что могло бы стать темой для отдельного исследования.

Самый развернутый нарратив об этом «чуде» мы можем встретить в уже упомянутой газете «Истоки жизни», в статье «Рыбницкий чудотворец». Предваряется эта история вступлением об известном на всю Рыбницу еврее-силаче по имени Бэрл, который при необходимости иногда возил Хайма Занвла по его делам. В один день у Бэрла «машины не оказалось», «он сказал силачу: “У тебя же есть машина, иди и заведи ее”. Бэрл залил бензин, засунул ручку, тогдашнюю заводку, и машина завелась и, к его удивлению, поехала. А потом, когда вернулись и поставили ее на место, она как стояла, заглошшая, в этом гараже, так и сгнила, заржавела...» [Метляева 2006, 11].

Устный вариант этой истории с некоторым развитием сюжета удалось зафиксировать в ходе экспедиции в 2019 г. при общении с информантом, с чьих слов в свое время была записана статья в

газете «Истоки жизни»: «Ему (Хаиму Занвлу) надо было поехать в какое-то местечко еврейское. И ему этот Берл говорит, что, значит, сейчас моя машина не едет. А Хаим Занвл ему говорит, мол, у тебя там в гараже стоит машина. А машина там какая-то ржавая, ни до этого, ни потом эта машина не заводилась. Он ему говорит⁴ ... “Иди и заведи!”, и она завелась!» (УХР, 1947 г.р., г. Рыбница).

Разница между устным нарративом и газетным текстом состоит в том, что информант рассказал, зачем Хаиму Занвлу понадобилась машина, в остальных значимых структурных элементах текста расхождений нет. Таким образом, Хаим Занвл проявляет свои чудесные способности, заставляя некоторый объект совершить то действие, которого объект по определенным причинам совершить не может.

Пересказ этой истории одной из моих информанток (перед тем, как рассказать этот сюжет, она говорит, что знает о чудесах, которые он совершал, только из газеты, которую когда-то читала) варьирует в части, связанной с мотивировкой совершения чуда. Однако в целом сюжет выстроен, как и в предыдущем варианте, вокруг машины, которая, находясь в нерабочем состоянии, после слов Хаима Занвла чудесным образом заводится:

У мужчины заболел брат, и нужно было ехать из села в город, но не было на чем этого большого отвезти. Этот человек пришел к ребе и рассказал о своей проблеме. Ребе говорит: «У тебя стоит в гараже машина, бери ее и поезжай». Но эта машина не работала уже лет 10 до этого, а тут завелась, и этот человек смог отвезти своего брата в больницу. После этого он вернулся домой, поставил машину в гараж, и больше не смог ее завести, как и раньше [ЗС, 1961 г.р., г. Рыбница].

Еще один вариант этого сюжета был записан М. Каспиной, С. Амосовой, М. Гордон в Москве в ходе беседы с уроженцем Рыбницы:

Однажды я стал свидетелем такого разговора, он подходит к своему водителю, у него была машина МК, военная еще машина, это было где-то, наверное, 54-й год или 55-й год. Нет, я еще в школу не ходил, 54-й, значит, я пошел в 55-м. Он подходит к своему водителю и говорит, надо ехать в Одессу на обрезание, он говорит, ребе, нет бензина у меня. Поеха-

⁴ Здесь пропущено две фразы на идише, которые информант переводит с идиша на русский, общаясь с собирателями.

ли – поехали, садится он в МКу, включает ключ, поворачивает, завел, бензина ноль и погнали 170 километров в Одессу (ГГ, 1948 г.р., г. Рыбница).

Несмотря на вариации в том, по каким причинам машина не была в состоянии поехать, основная линия сюжета остается неизменной.

Опираясь на приведенные нарративы, мы можем говорить о том, что машина является той вещью, которая проявляет своими действиями чудесные способности Хаима Занвля.

Некоторые выводы

Рассмотрев круг вещей, встречающихся в нарративах о Рыбницком ребе Хаиме Занвле Абрамовиче, можно сделать вывод о том, что некоторые его значимые характеристики – такие как, например, стремление соблюдать ритуал ежедневного омовения или способность творить чудеса – могут передаваться при помощи включения в нарратив некоторых материальных предметов (кружка или машина). Эти предметы подчеркивают и усиливают социальные и личностные характеристики раввина. Однако важно отметить, что если на индивидуальном уровне вещи в нарративах и могут играть ключевую роль в описании Хаима Занвля, то на уровне локального текста, как правило, появляются варианты сюжетов, передающих ту же идею без включения в сюжеты материальных предметов (повторное омовение в реке, сотворение чудес, не связанных с управлением материальными объектами).

Наиболее стабильными и варьирующими только в пределах контекстуальной синонимии являются предметы одежды Хаима Занвля, что, возможно, связано со способностью одежды подчеркивать социальные роли наиболее явным и не требующим дополнительных пояснений способом.

Литература и источники

- Вахштайн 2006 – *Вахштайн В.* Социология вещей и «поворот к материальному» в социальной теории // *Социология вещей* / Под ред. В. Вахштайна. М., 2006. С. 7–42.
- Ерофеева 2019 – *Ерофеева М.* После АСТ: путевые заметки // *Социология власти.* 2019. № 2. С. 8–17.

- Каспина 2018 – *Каспина М.* Народная религиозность советских ассимилированных евреев: свинина и хлеб вместо мацы // Евреи пограничья: Смоленщина / Отв. ред. С. Амосова. М., 2018. С. 209–220.
- Латур 2004 – *Латур Б.* Где недостающая масса? Социология одной двери / Пер. с англ. // Неприкосновенный запас. 2004. № 2. С. 5–19. <https://magazines.gorky.media/nz/2004/2/gde-nedostayushhaya-massa.html>
- Метляева 2006 – *Метляева М.* Рыбницкий чудотворец // Истоки жизни. 2006. № 4–7. С. 11.
- Писарев, Астахов, Гавриленко 2017 – *Писарев А., Астахов С., Гавриленко С.* Акторно-сетевая теория: незавершенная сборка // Логос. 2017. № 1. С. 1–40.
- Социология вещей 2006 – Социология вещей / Под ред. В. Вахштайна. М., 2006.
- Meyer et al. 2010 – *Meyer B., Morgan D., Paine C., Plate B.* The origin and mission of Material Religion // Religion. 2010. Vol. 40. Iss. 3. P. 207–211.
- Schneider 2006 – *Schneider J.* Chapter 13: Cloth and Clothing // Handbook of Material Culture. London; California; New Dehli, 2006. P. 203–220.

Acting Objects in Narratives about Rybnitsa Rebbe

Irina Dushakova

(Institute of International Law and Economy A.S. Griboedov, Moscow, Russia)

ORCID ID: 0000-0002-7959-4934

PhD student

The Department of Journalism, Institute of International Law and Economy A.S. Griboedov
Moscow, Russia, 111024, Entusiastov Rte., 21

Tel.: +7 (495) 673-74-19

Email: dusha-irina@mail.ru

Summary: This article discusses the material objects that are mentioned in narratives about Chaim Zanvl Abramovich (so called Rybnitsky Rebbe) and about his deeds. Given previous researches according to material turn, the main research question of this article is how religion is carried out materially, and not only expressed in material form. To answer this question, the author considers the religious attributes and objects of the (religious) clothing of the Rybnitsa Rebbe and dwells on two cases in which material objects play one of the key roles. The first case is devoted to the role of a mug for washing hands in the ritual of morning bathing, the second to a broken car, which started up under the influence of the words of Khaim Zanvl. The article demonstrates that the ability to work miracles and perform daily rituals can be transmitted by the inclusion of some material objects in the narrative. However, the articles of clothing by Khaim Zanvl are

the most stable and varying only within the context of synonymy, which may be due to the ability of clothing to emphasize social roles in the most explicit and requiring no further explanation.

Keywords: *Rybnitsa Rebbe, material objects, miracle, clothing, religious objects*

References:

- Erofeeva, M. 2019. Posle AST: putevye zametki. *Sotsiologiya vlasti* 2: 8–17.
- Kaspina, M. 2018. Narodnaia religioznost' sovetskikh assimirovannykh evreev: svinina i khleb vmesto matsy. In *Evrei pogranych'ia: Smolenshchina*, edited by S. Amosova, 209–220. Moscow.
- Latour, B. 2004. Gde nedostaiushchaia massa? Sotsiologiya odnoi dveri. *Neprikosnovennyi zapas* 2: 5–19.
<https://magazines.gorky.media/nz/2004/2/gde-nedostayushhaya-massa.html>.
- Metlyayeva, M. 2006. Rybnitskii chudotvorets. *Istoki zhizni* 4–7: 11.
- Pisarev, A., S. Astakhov, and S. Gavrilenko. 2017. Aktorno-setevaia teoriia: nezavershennaia sborka. *Logos* 1: 1–40.
- Vakhshtain, V. 2006. Sotsiologiya veshchei i “povorot k material'nomu” v sotsial'noi teorii. In *Sotsiologiya veshchei: Sbornik statei*, edited by V. Vakhshtain, 7–42. Moscow.
- Vakhshtain, V., ed. 2006. *Sotsiologiya veshchei: Sbornik statei*. Moscow.